

работодателей. Например, в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского в соответствии с рекомендацией Совета работодателей юридического факультета была изменена тематика курсовых и дипломных работ. Они стали больше ориентироваться именно на особенности политической системы Саратовской области, региональные институты, процессы, механизмы и технологии. Соответствующие изменения были внесены и в ряд соответствующих учебных курсов.

Усиление прикладной составляющей подготовки бакалавров позволит решить и еще одну проблему региональных вузов – обоснование специфики подготовки в рамках магистратуры. Тогда мотивация поступления в магистратуру будет у тех выпускников бакалавриата, которые в большей степени склонны к научно-исследовательской работе и ориентированы на более глубокое и всестороннее освоение теоретико-методологических основ политологии. В соответствующей корректировке нуждаются и профессиональные компетенции выпускника магистратуры.

В целом, в организации учебного процесса было больше практического смысла, если бы формирующийся профессиональный политолог имел возможность сначала посмотреть на обще-

ство, частью которого он как гражданин является, изнутри, его, общества, собственными «глазами», прежде чем он станет смотреть на это общество извне как на предмет политических манипуляций, модернизаций, трансформаций.

Это вопрос общей стратегии уровневого образования, но еще и вопрос оптимизации технологии политического воспитания будущего профессионала. Сейчас ситуация такова, что прежде чем студент-политолог научится смотреть на мир политики глазами таких же, как он, граждан, современные образовательные программы бакалавриата уже вооружают его предельно мощным и универсальным аналитическим оружием политических теорий. В результате неизбежна иллюзия, что при их помощи он способен решить любые политические проблемы собственного общества и государства и других социально-политических систем, что он уже полностью состоялся в качестве политического аналитика и менеджера. Такого, «вооруженного» по последнему слову науки и привыкшего к позиции стороннего наблюдателя за общественно-политическими процессами, профессионала-политолога, когда он возьмется за политические операции, очень трудно будет убедить не резать «по живому».

УДК 316.334.3+366.636

ПОНЯТИЕ КОНСОЛИДИРОВАННОЙ И ФРАГМЕНТИРОВАННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. А. Зимин

Саратовский государственный университет
E-mail: natali.26.12@mail.ru

В статье критических позиций рассматриваются основные трактовки политической культуры как консолидированной реальности и обосновывается авторское понимание фрагментированной политической культуры.

Ключевые слова: политическая культура, консолидированная политическая культура, мультикультурализм, фрагментированная политическая культура.

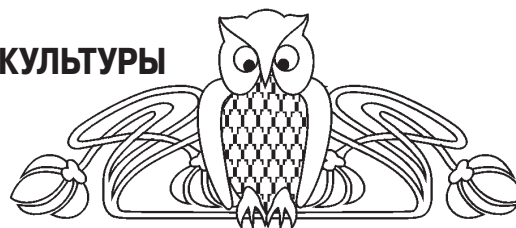
Consolidated and Fragmented Concept of Political Culture

V. A. Zimin

The article critically examines the main interpretations of political culture as a consolidated reality and justify the author's understanding of a fragmented political culture.

Key words: political culture, consolidated political culture, multiculturalism, fragmented political culture.

Одной из самых дискуссионных в политической науке является проблематика, отражающая российскую специфику социокультурного развития и ее воздействие на политическую жизнь

современной России. Не прекращаются дискуссии по вопросам причинной обусловленности специфики российской политической культуры, ее способности к эволюции в соответствии с современными глобализационными вызовами, функциональности в контексте задач политической модернизации и повышения роли гражданского общества. Как представляется, для исследования современных состояний политической культуры, возможно, продуктивным стал бы подход, основанный на представлении о ней как о фрагментирующейся реальности.

Большинство современных концепций политической культуры реализуют подход, основанный на представлении о культуре вообще и политической культуре в частности как консолидированной и консолидирующейся реальности.

Один из первых исследователей политической культуры Э. Я. Баталов характеризовал ее «как систему исторически сложившихся, относительно устойчивых и репрезентативных («образцовых») убеждений, представлений, установок сознания и моделей поведения индивидов

и групп, а также моделей функционирования политических институтов и образуемой ими системы, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса, определяющих ее основные направления и формы и тем самым обеспечивающих воспроизводство и дальнейшую эволюцию политической жизни на основе преемственности». По его мнению, «любая политическая культура носит “бинарный” характер, т. е. включает в себя не только положительные, но и отрицательные устойчивые черты, наблюдаемые в сознании и поведении субъекта политического процесса»¹.

Данная трактовка является одной из наиболее распространенных и общепринятых в российской политической науке. Подобные консолидированные трактовки функциональности политической культуры характерны (начиная с Г. Алмонда) и для различных ее интерпретаций в западной политологии.

К этим теоретическим представлениям часто привязана и практическая политика. Типичными примерами последовательной практической реализации двух различных ее вариантов являются идеологически обоснованная советская стратегия формирования политической культуры строителя коммунизма в советском обществе, а также либерально-демократическая стратегия европейской политики мультикультурализма.

После распада СССР советская модель формирования нового человека на основе универсальной интернациональной политической культуры оказалась невостребованной.

По мнению сторонников либеральной политики мультикультурализма, «усилия в направлении конституционализации международного права могут рассчитывать на успех, только если мировое общество способно интегрироваться в культурном смысле – т. е. через признанные в различных культурах принципа политической справедливости – поверх уровня функциональной интеграции»². Первая практическая попытка установления такой межкультурной коммуникации привела к принятию Устава ООН и Декларации прав человека.

В современных условиях эти попытки стали более широкими по содержанию. По мнению Ю. Хабермаса, главными препятствиями на пути реализации общемирового проекта «многокультурного концепта мир-общества» выступают не только «рефлексы» национальных государств, подверженных «неблагоприятному влиянию герменевтических условий асимметричных властных отношений», но и традиции метафизического мышления. Тем не менее, автор оптимистично утверждает, что «проект конституции для культурно разделенного международного сообщества обеспечивает возможность рассмотреть светскую мысль со стороны двух различных перспектив, а именно, и с точки зрения мировых религий, находящихся в конкуренции друг с другом как на

глобальном уровне, так и внутри национальных обществ, и с точки зрения конфликта между этими религиозными доктринами, а также метафизическими воззрениями, с одной стороны, и позициями пострелигиозного и постметафизического мышления – с другой. Это перемещает социологическую проблематику на уровень политической теории. Ибо ныне становятся интересны исходные когнитивные предпосылки перспективной межкультурной коммуникации относительно будущих политических рамок многокультурного мирового общества»³. Конечная цель остается неизменной – мировое космополитическое сообщество, первопроходцами в строительстве которого являются архитекторы общеевропейского пространства⁴.

Анализ исследований представителей различных направлений мультикультурализма⁵ подтверждает тезис о том, что, несмотря на определенные различия, все они укладываются в единое русло и основываются на принципах либерального мессианизма, в соответствии с которым основная тенденция развития политической культуры состоит в стремлении к консолидации и унификации. Отсюда – рассуждения о конце истории как политико-культурном состоянии современных обществ, вставших на пути либеральной демократии⁶. Отсюда – идея глобализации как конца истории, растянутого в неопределенном времени. В соответствии с ней историю создает разнообразие форм, смыслов и процессов. В этом отношении глобализация как идея тождественна идее конца истории. Отсюда – идея модернизации как процесса, который повсеместно должен привести институциональный дизайн обществ и их политическую культуру в «органическое состояние», позволяющее оптимизировать то управление этими обществами, которое осуществляют элиты.

В этом отношении показательны рассуждения Дж. Сороса, одного из видных идеологов перехода к единому политическому сообществу в общемировом масштабе. По его мнению, в современном мире имеет место весьма существенный дисбаланс между реальной мировой системой капитализма и, по сути, эфемерной мировой политической системой. В этой связи «для стабилизации и подлинного регулирования мировой экономики нам нужна некая мировая система принятия политических решений. Иными словами, нам необходимо новое мировое сообщество для поддержания мировой экономики. Мировое сообщество не означает мировое государство. Отмена государства не является ни реальной, ни желательной; но вплоть до настоящего момента, поскольку существуют общие интересы, выходящие за пределы государственных границ, суверенитет государств должен быть подчинен международному праву и международным институтам»⁷.

Если говорить о связи идеи прогресса политической культуры с идеей модернизации, то она обусловлена именно представлением о по-

литической культуре как консолидирующей и стремящейся к структурному и смысловому единообразию (на основе общечеловеческих ценностей) реальности.

Так происходит потому, что большинство современных концепций, прямо или косвенно затрагивающих проблемы политической культуры, родились в последние два столетия, когда действительно в политико-культурных процессах наблюдались тенденции к выработке обществами в разных частях света культурных императивов на почве идей и ценностей, сформулированных в рамках западного мира и поддержанных (или обусловленных) его цивилизационным опытом буржуазного развития.

Они не случайно разделились на консервативное, либеральное и социалистическое направления, поскольку каждое из этих направлений намечало в исторической перспективе (причем намечало достаточно безапелляционно) некую стратегическую точку, в которой такая консолидация обществ произойдет на почве признания единого набора политических идей, ценностей и форм организации. Несмотря на принципиальное отличие в политических идеалах конструируемого и внедряемого на их основе общественно-политического устройства, все эти идеологии объединяла уверенность в неизбежности универсального «светлого» будущего всего человечества.

Реформы и революции, приобретшие в последние два столетия невиданную прежде популярность, стали популярны именно в качестве инструментов эффективного достижения обозначенных сторонниками различных идейно-мировоззренческих направлений точек консолидации. Была концептуализирована даже идея консервативной революции. Новый импульс получила идея конституционного устройства политики и права. Конституция стала трактоваться как один из важнейших инструментов консолидации политической культуры.

Этот процесс сопровождался востребованием той части идейного наследия древности, Средневековья и Нового времени, в которой на первый план выдвигались идеи общего политического будущего цивилизованных народов, идеи перехода обществ и государств к единой стилистике политических взаимодействий на почве общепризнанных (общечеловеческих) ценностей.

В результате естественное стремление к идеалу, свойственное сознанию любого человека, пишущего о настоящем, полном противоречий, и о будущем, которое он хочет избавиться от аналогичных противоречий, к тому, чтобы этот идеал разделило как можно больше людей, было перенесено на характеристики динамики политической культуры и стало основой современной методологии ее исследований.

В то же время, реальная многовековая политическая история самих европейских стран

демонстрировала очень сложную динамику политико-культурных процессов.

От фрагментированного состояния до римского завоевания она развивалась в сторону консолидированного состояния в римскую эпоху. Затем, в эпоху «великого переселения народов», вновь обозначилась тенденция к фрагментации и возник тот ряд специфических «феодализмов», об основаниях соединения которых в одну формационную или цивилизационную модель до сих пор спорят исследователи⁸.

Затем начался процесс политико-культурной консолидации католической Европы, сменившийся в Новое время религиозной и политической Реформацией, сопровождавшейся политико-культурным расколом. На смену расколу пришла новая консолидация на почве ценностей уже буржуазной политики и буржуазной культуры.

Именно последняя консолидация сопровождалась наиболее напряженной теоретической рефлексией. Обусловлено это было тем, что сам образ консолидированного будущего мира либеральной демократии столкнулся как с внешними (со стороны собственных колоний, без которых он не мог развиваться), так и с внутренними (со стороны традиционализма и левого революционаризма) вызовами в форме альтернативных образов будущего, которые были реальной угрозой достигнутому консолидированному состоянию европейского мира.

В современных условиях этот процесс фрагментации значительно ускорен глобализацией и многообразными модернизациями. Глобализации и модернизации, нацеливающие все процессы на приведение к единому стандарту, лишают цивилизационную систему внутренних стимулов к развитию и как бы перекашивают ее основные модели в сторону утраты своей специфической идентичности.

Возникают компенсирующие тенденции в виде культурной фрагментации. В научной литературе они приобретают различное концептуальное оформление. Одним из самых последних направлений в данной области, на наш взгляд, является изучение процессов взаимоотношения общемировых тенденций социокультурного развития и тенденций сохранения регионально-локальных культурных особенностей в рамках концептуального оформления теории глобализации и глокализации⁹.

Суть глокализации, по мнению ее сторонников, заключается в том, что она дает возможность избежать уже обозначившихся негативных последствий и конфликтных ситуаций процессов глобализации. В соответствии с данной концепцией универсализация принципов и ценностей мирового политического развития сопровождается повышением толерантности в отношении многообразия социокультурного развития не только отдельных стран, но и отдельных регионов, которые укрепляют свою самобытность за счет расширения горизонтальных культурных связей,

в том числе независимо от национально-государственного деления.

Как представляется, это своего рода инвариация, особая концепция мультикультурализма, в рамках которой процессы глобализации должны будут сформировать единое универсальное либерально-демократическое ценностное ядро, создающее социокультурную основу для реализации космополитического устройства мирового сообщества. В этом случае сохранение «периферийного» культурного своеобразия может расцениваться как своего рода декоративное прикрытие глобализационной модели общественно-политического устройства.

Появление концепции глокализации во многом было обусловлено тем, что «новые демократии», возникшие после краха восточного блока и разрушения СССР, испытывают огромное множество политических, экономических, социальных, идеологических и культурных проблем, связанных со становлением демократического государства и гражданского общества, формированием рыночной экономики и поисками своей национальной идентичности. По мнению В. В. Герменчука, «западный опыт общественной трансформации, который был щедро предложен им в качестве универсального образца для стратегий развития, не оправдал связанные с ним ожидания»¹⁰.

Подобные сомнения в универсальности институтов и ценностей либерального Запада характерны для многих современных исследователей, которые отмечают отсутствие обобщенной теории институтов и организационного развития, их оптимальных форм и правил перестройки, рационализации механизмов власти и управления¹¹. Тем не менее большинство из них не подвергает сомнению онтологически предопределенный консолидирующий смысл в рамках общенациональной политической культуры.

Однако для консолидированных состояний политической культуры характерно простое и логичное соответствие формы смыслу, который ее наполняет. Эта простота позволяет самым разнообразным социально-политическим системам быстро интегрироваться в единое политико-культурное пространство и создавать прорывы в развитии политической культуры в определенные эпохи.

По мере того, как разные политические сообщества уточняют смысл, вложенный в признанные ими политические формы, адаптируют этот смысл к собственной потребности использования стандартных и общепризнанных форм, смысл начинает жить вполне самостоятельной жизнью. Иногда формы либеральной демократии (что особенно явно заметно сегодня на примере арабского мира) наполняются смыслом, противоположным идее свободы, законности, равноправия. Подобные обвинения очень часто слышны и в адрес российской политической системы, которая строилась с ориентацией на универсальные либеральные принципы и ценности, но получила в результате определенное авторитарное содержание.

Возникает парадоксальная ситуация, когда именно стандартизация институциональных форм политики открывает широкие возможности для наполнения их различным, часто альтернативным смыслом, соответствующим намерениям разных народов использовать специфику своей политической культуры ответов на модернизационные вызовы и в качестве аргумента в споре за место в будущем глобальном мире. Думается, что именно в рамках такой трактовки политической культуры заключены существенные эвристические возможности для объяснения политических и социально-экономических процессов и их последствий в постсоветской России.

Примечания

- ¹ Баталов Э. Я. Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы) // Баталов Э. Я. Политическое «слишком человеческое». М., 2000. С. 52.
- ² Хабермас Ю. Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном мир-обществе // Полис. 2010. № 2. С. 13.
- ³ Там же. С. 13.
- ⁴ См.: Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. 2003. № 5 (39). С. 152.
- ⁵ См.: Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М., 2004; Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура. М., 2006; Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М., 2012; Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера и С. Ханнингтона / пер. с англ.; под ред. В. В. Сапова. М., 2004 и др.
- ⁶ См.: Фукуяма Ф. Конец истории и Последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М., 2004.
- ⁷ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999. С. XXVI.
- ⁸ См.: Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры: X Международные Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010 г. Т. 2: Материалы. СПб., 2010; История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.
- ⁹ См.: Азроянц Э. А. Глобализация: катастрофа или развитие? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. М., 2002; Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. М., 2001; Богатуров А. Д. Современный мир: система или конгломерат? Опыт транссистемного подхода // Богатуров А. Д. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002; Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М., 2004; Шинковский М. Ю. Глокализация как предмет научного исследования // Полития. 2008. № 2 (49).
- ¹⁰ Герменчук, В. В. Пространство власти и управления. Минск, 2008. С. 4–5.
- ¹¹ Там же.